

Сказки

о принцах
и принцессах

Издательство «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Вильгельм Гауф

Принц-самозванец

Жил-был скромный портновский подмастерье по имени Лабакан, который учился своему ремеслу в Александрии у одного умелого мастера. Нельзя сказать, что Лабакан обращался с иглой неумело, напротив, работу свою он делал как следует. Несправедливо было бы также назвать его лентяем, но что-то с ним все-таки было неладно. Иной раз он мог часами шить без передышки, так что даже иголка раскалялась в руке у него и нитка дымилась, и тогда дело спорилось у него, как ни у кого другого. А иной раз — и случалось такое, на беду, часто — он сидел в глубокой задумчивости, глядя в одну точку, и при этом в лице его да и во всем облике бывало что-то до того необычное, что мастер и прочие подмастерья всегда говорили по поводу этого состояния:

«Лабакан снова принял вид знатной особы». А по пятницам, когда другие люди спокойно шли с молитвы к своим домашним делам, Лабакан выходил из мечети в нарядной одежде, деньги на которую он скопил с великим трудом, и медленно, горделиво шагал по площадям и улицам города, и, если кто-нибудь из его товарищей бросал ему: «Мир тебе» или «Как поживаешь, друг Лабакан?», он милостиво махал рукой или даже величественно кивал головой. И когда его мастер говорил ему в шутку: «В тебе пропадает принц, Лабакан», он очень радовался этому и отвечал: «Вы тоже это заметили?» или «Я уже давно об этом думал!».

Так вел себя этот скромный портновский подмастерье уже долгое время. Но мастер мирился с его дурью, потому что вообще-то Лабакан был хороший человек и умелый работник.

Но вот однажды Селим, брат султана, будучи как раз проездом в Александрии, послал мастеру свою праздничную одежду для небольшой переделки, и мастер дал ее Лабакану, потому что тот всегда выполнял тончайшую работу. Вечером, когда мастер и подмастерья удалились, чтобы отдохнуть от дневных трудов, какая-то неодолимая сила повлекла Лабакана назад в мастерскую, где висела одежда царского брата. Он долго стоял перед нею в задумчивости, любуясь то великолепием вышивки, то переливчатыми красками бархата и шелка. Он не мог ничего поделаться с собой, он должен был ее надеть, и подумать только — она пришлась ему впору, словно была сшита на него. «Чем я не принц? — спросил он себя. — Разве и сам мастер не говорил, что я рожден быть принцем?» Вместе с платьем подмастерье как бы облекся и в царские мысли. Он тут же вообразил себя неизвестным царским сыном и, как таковой, решил отправиться в мир, покинув место, где люди были настолько глупы, что так и не распознали прирожденного величия под личиной низкого звания. Ему казалось, что это великолепное платье прислала какая-то добрая фея. Поэтому он побоялся пренебречь таким дорогим подарком и, взяв свои скудные пожитки, вышел под покровом ночи из александрийских ворот.

Повсюду на своем пути новый принц вызывал изумление, ибо его великолепное платье и его строгая величавость никак не подобали обыкновенному пешеходу. Когда его спрашивали об этом, он обычно с таинственным видом отвечал, что на то есть особые причины. Но, заметив, что передвижение пешком делает его смешным, он купил по дешевке старого коня, очень его устраивавшего, потому что по своей спокойности и кротости конь этот никогда не заставлял его казаться искусным наездником, что Лабакана очень смутило бы, ибо в верховой езде он не был силен.

Однажды, когда он плелся по дороге на своем Мурфе — так назвал он коня, к нему присоединился какой-то всадник и попросил разрешения ехать дальше в его обществе, потому что за разговором путь кажется гораздо короче. Всадник этот, веселый молодой

человек, был хорош собой и приятен в обхождении. Он завел с Лабаканом разговор о том, откуда и куда тот едет, и оказалось, что и он тоже, как наш портняжка, пустился в мир наудачу. Он сказал, что его зовут Омар, что он племянник Эльфи-бей, несчастного каирского паши, и слоняется по миру для того, чтобы исполнить наказ, который дал ему на смертном одре его дядя.

Лабакан не стал так чистосердечно повествовать о своих обстоятельствах. Он дал лишь понять, что происхождения он высокого и путешествует для своего удовольствия.

Молодые люди понравились друг другу и продолжали путь вдвоем. На второй день их совместного путешествия Лабакан спросил своего спутника Омара о наказах, которые тот должен исполнить, и узнал, к своему удивлению, следующее.

Эльфи-бей, каирский паша, воспитывал Омара с раннего детства, и родителей своих тот не знал. Но когда на Эльфи-бей напали его враги и после трех неудачных сражений смертельно раненному паше пришлось бежать, он открыл своему воспитаннику, что тот не его племянник, а сын одного могущественного властителя, который из страха перед пророчествами своих звездочетов удалил юного принца от своего двора и поклялся, что снова увидит его лишь в день его двадцатидвухлетия. Эльфи-бей не назвал имени отца, но твердо наказал прибыть на пятый день будущего месяца рамадана, когда ему как раз и исполнится двадцать два года, к знаменитой колонне Эль-Серуйя, что в четырех днях езды на восток от Александрии. Там он должен передать людям, что будут стоять у колонны, кинжал, врученный ему пашой, и сказать: «Вот он я, которого вы ищете». Когда они ответят: «Хвала пророку, тебя хранившему!», он должен последовать за ними, и они отведут его к отцу.

Портняжка Лабакан был очень удивлен этим рассказом. Он глядел теперь на принца завистливыми глазами, злясь на то, что судьба даровала Омару, хотя он и так уже слыл племянником могущественного паши, еще и звание княжеского сына, а ему, Лабакану, наделив его всем, что необходимо принцу, дала, как на смех, темное происхождение и обыкновенный жизненный путь. Он сравнивал себя с принцем. Он вынужден был признать, что у того наружность очень подкупающая. Прекрасные, живые глаза, орлиный нос, мягкое, предупредительное обхождение короче говоря, всеми внешними достоинствами, какими только можно расположить к себе, он обладал. Но и находя у своего спутника столько достоинств, он все-таки в глубине души полагал, что такой молодец, как он, Лабакан, будет могущественному отцу еще милее, чем настоящий принц.

Эти мысли преследовали Лабакана весь день, с ними он и уснул на очередной ночевке. А когда он утром проснулся и взгляд его упал на спавшего рядом Омара, который мог так спокойно спать и видеть во сне свое верное счастье, у него возникла мысль добыть себе хитростью или силой то, в чем ему отказала его неблагоприятная судьба. Кинжал, этот опознавательный знак возвращающегося домой принца, торчал из-под кушака спавшего. Лабакан тихонько вытащил кинжал, чтобы всадить его в грудь его же хозяина. Но мысль об убийстве ужаснула миролюбивую душу портняжки. Он удовлетворился тем, что заткнул кинжал себе за пояс и велел оседлать для себя более резвую лошадь принца; и когда Омар проснулся и увидел, что все его надежды украдены, его вероломный спутник был уже далеко впереди.

Ограбление принца Лабакан совершил как раз в первый день священного месяца рамадана, и, значит, у него оставалось еще четыре дня, чтобы добраться до хорошо известной ему колонны Эль-Серуйя. Хотя место, где стояла эта колонна, находилось на расстоянии самое большее еще двух дней пути, он поспешил прибыть туда, потому что все время боялся, что его догонит истинный принц.

В конце второго дня Лабакан увидел колонну Эль-Серуйя. Она стояла на небольшом возвышении среди равнины и видна была с расстояния двух-трех часов езды. У Лабакана при

виде ее сердце забилося сильнее. Хотя последние два дня у него хватало времени подумать о той роли, которую ему предстояло играть, нечистая совесть делала его все же несколько робким. Но мысль, что он рожден стать принцем, снова придала ему силы, и он бодрее направился к своей цели.

Местность вокруг колонны Эль-Серуйя была необитаема и пустынна, и прокормиться новоиспеченному принцу было бы трудновато, если бы он не запасся едой на несколько дней. Поэтому он расположился рядом со своей лошадей под пальмами и стал ждать там дальнейшей своей судьбы.

В середине следующего дня он увидел, что к колонне Эль-Серуйя движется по равнине целый поток людей на лошадях и верблюдах. Путники остановились у подножия холма, на котором стояла колонна. Они разбили роскошные шатры, и походило все это на караван какого-нибудь богатого паши или шейха. Лабакан подозревал, что все это множество людей добиралось сюда ради него, и ему хотелось уже сегодня показать им их будущего повелителя. Но он подавил свое нетерпение выступить в роли принца, поскольку следующее утро должно было полностью удовлетворить самые смелые его желания.

Утреннее солнце разбудило счастливого портного, предвещая важнейшее мгновение его жизни, которое превратит его из убогого, неизвестного смертного в сподвижника властелина-отца. Что говорить, взнуздывая свою лошадь, чтобы поскакать к колонне, он думал и о несправедности своего поступка. Что говорить, мысли его возвращались к горю княжеского сына, обманутого в своих лучших надеждах. Но жребий был брошен, что случилось, то случилось, и его себялюбие нашептывало ему, что у него достаточно внушительный вид, чтобы предстать перед могущественнейшим царем в качестве его сына. Ободренный этими мыслями, он вскочил на коня, собрался с духом, чтобы пустить его приличным галопом, и меньше чем за четверть часа достиг подножия холма. Он спешился и привязал лошадь к одному из кустов, которые во множестве росли на холме. Затем он вытащил кинжал принца Омара и поднялся на холм. У подножия колонны шестеро мужчин стояли вокруг царственно-величавого старика. Роскошный парчовый кафтан, опоясанный белой кашемировой шалью, белый, украшенный сверкающими драгоценными камнями тюрбан выдавали в нем человека богатого и знатного. Лабакан подошел к нему, низко поклонился и сказал, протягивая кинжал:

— Вот он я, которого вы ищете.

— Хвала пророку, тебя хранившему! — ответил старик со слезами радости. Обними своего старого отца, любимый мой сын Омар!

Добрый портной был очень тронут этими торжественными словами и бросился в объятия старому князю со смесью радости и стыда.

Но лишь один миг суждено было ему неомраченно наслаждаться блаженством своего нового положения. Высвободившись из объятий величавого старца, он увидел на равнине всадника, торопливо приближающегося к холму. Всадник этот и его конь являли странное зрелище. Из упрямства или от усталости конь, казалось, не хотел идти вперед. Он ковылял странным аллюром, который нельзя было назвать ни рысью, ни иноходью, а всадник всячески подгонял его руками и ногами. Довольно скоро, увы, Лабакан узнал своего коня Мурфу и настоящего принца Омара. Но в него, Лабакана, уже вселился злой дух лжи, и он решил, будь что будет, отстаивать присвоенные права с железным упорством.

Всадник еще издали делал какие-то знаки. Но вот, несмотря на плохой бег коня Мурфы, он достиг подножия холма, спрыгнул с лошади и побежал вверх по холму.

— Остановитесь! — кричал он. — Кто бы вы ни были, остановитесь и не дайте одурачить вас гнуснейшему обманщику! Меня зовут Омар, и пусть никто из смертных не вздумает

злоупотреблять моим именем!

Лица стоявших вокруг выразили глубокое удивление таким оборотом дела. Особенно, казалось, потрясен был старец, который вопросительно глядел теперь то на одного, то на другого. С напускным спокойствием Лабакан сказал:

— Милостивый господин и отец, не дайте этому человеку ввести вас в заблуждение! Это, насколько мне известно, один бесноватый портняжка из Александрии, его зовут Лабакан, и он больше заслуживает нашего сострадания, чем нашего гнева.

Слова эти привели принца в неистовство. Кипя от негодования, он хотел кинуться на Лабакана, но стоявшие рядом бросились ему наперерез и схватили его, а князь сказал:

— И правда, дорогой мой сын, этот бедняга сошел с ума! Пусть его свяжут и посадят на одного из наших дромадеров! Может быть, нам удастся как-нибудь помочь этому несчастному.

Ярость принца унялась. Он сказал князю, рыдая:

— Мое сердце говорит мне, что вы мой отец. Заклинаю вас памятью моей матери: выслушайте меня!

— Упаси нас боже! — отвечал тот. — Он опять начинает бредить. Как только может прийти такое в голову!

С этими словами он взял Лабакана под руку и сошел с его помощью с холма. Оба сели на прекрасных, покрытых богатыми попонами лошадей и поехали по равнине во главе каравана. А несчастному принцу связали руки и привязали его к дромадеру, и рядом с ним ехали два всадника, бдительно следя за каждым его движением.

Царственный старец был не кто иной, как Сауд, султан вехабитов. Он долго жил, не имея детей, но наконец у него родился принц, которого он так долго ждал. Звездочеты, однако, когда он спросил их, какая судьба предзнаменована мальчику, ответили так: «До двадцати двух лет ему грозит опасность, что его вытеснит враг». Поэтому, чтобы не рисковать, султан отдал принца на воспитание своему старому, испытанному другу Эльфи-бею и двадцать два мучительных года ждал встречи с сыном. Это султан рассказал по дороге своему мнимому сыну, показав ему, что чрезвычайно доволен его наружностью и его полным достоинства обхождением.

Когда они въехали в страну султана, жители повсюду встречали их радостным криком, ибо слух о прибытии принца распространился по всем городам и деревням с быстротой молнии. На улицах, по которым они проезжали, были сооружены арки из цветов и веток, великолепные разноцветные ковры украшали дома, и народ громко славил бога и его пророка, пославшего им такого прекрасного принца. Все это наполняло блаженством гордое сердце портного. Тем более несчастным чувствовал себя, наверно, настоящий Омар, который все еще был связан и следовал за караваном в немом отчаянии. Никто не думал о нем среди всеобщего ликования, которое относилось именно к нему. Имя Омара выкрикивали тысячи и тысячи голосов, а на него, носившего это имя по праву, никто и внимания не обращал. Разве что кто-нибудь иногда спрашивал, кого это везут связанным, да еще так крепко, и принц ужасался, слыша ответ своих провожатых: это один бесноватый портной.

Наконец караван достиг столицы султана, где все было приготовлено к встрече еще более пышной, чем в прочих городах. Султанша, пожилая, почтенная женщина, ждала их со всем своим двором в самом великолепном зале дворца. Пол этого зала был покрыт огромным ковром, стены были украшены голубыми полотнищами, свисавшими с серебряных крюков на золотых шнурах с кистями.

Было уже темно, когда караван прибыл. Поэтому в зале горело множество шарообразных цветных ламп, которые делали ночь светлой, как день. Но всего ярче и разноцветнее сияли они в глубине зала, где сидела на троне султанша. Трон стоял на четырех ступеньках, он был сделан из чистого золота, и в него были врезаны крупные аметисты. Четыре самых знатных эмира держали над головой султанши балдахин из красного шелка, а шейх Медины оведал ее прохладой с помощью опахала из павлиньих перьев.

Так ждала султанша своего супруга и своего сына. Она тоже не видела его с самого рождения, но вещие сны показывали ей долгожданного Омара так явственно, что она, думалось ей, узнала бы его из тысячи. Но вот послышался шум приближающегося шествия, трубы и барабаны смешались с приветственными криками толпы, со двора донесся топот коней, все ближе и ближе раздавались шаги, наконец двери зала распахнулись, и сквозь ряды павших ниц слуг султан рука об руку со своим сыном поспешил к трону его матери.

— Вот, — сказал он, — я и доставил тебе того, о ком ты так долго тосковала.

Но султанша прервала его речь.

— Это не мой сын! — воскликнула она. — Это не те черты, которые показал мне во сне пророк!

Как раз в тот миг, когда султан хотел осудить ее суеверие, дверь зала открылась. Вбежал принц Омар, преследуемый своими стражами, из чьих рук ему ценой величайшего усилия удалось вырваться. Задыхаясь, он припал к трону.

— Здесь я хочу умереть, вели убить меня, жестокий отец, ибо этого позора я больше не вынесу!

Все были смущены такими словами. Люди столпились вокруг несчастного, и подоспевшие стражи хотели уже схватить и снова связать его, но тут султанша, глядевшая на все это с немим изумлением, вскочила с трона.

— Стойте! — закричала она. — Этот и никто другой — настоящий! Это тот, кого глаза мои хоть и не видели, а сердце все-таки знало!

Стражи невольно отпустили Омара. Но султан, пылая яростным гневом, приказал им связать безумца.

— Здесь распоряжаюсь я, — сказал он властным голосом, — и здесь судят не по бабьим снам, а по определенным, совершенно точным признакам. Этот вот, — он указал на Лабакана, — мой сын, ибо он представил мне знак моего Друга Эльфи кинжал.

— Он украл его! — вскричал Омар. — Он предал меня, злоупотребив моим простодушным доверием!

Но султан не слушал своего сына, он привык своевольно считаться лишь с собственным мнением. Поэтому он велел вытащить силой из зала несчастного Омара. А сам с Лабаканом направился в свой покой, сильно разозлившись на султаншу, с которой как-никак двадцать пять лет прожил в согласии. Султанша же горевала из-за случившегося. Она была совершенно убеждена, что сердцем султана завладел обманщик. Ибо вещие сны не раз показывали ее сыном того несчастного.

Когда боль ее несколько унялась, она стала думать, какими средствами убедить супруга в том, что он неправ. Это было не так-то легко. Ведь тот, кто выставлял себя ее сыном, предъявил служивший опознавательным знаком кинжал и успел, как она узнала, услышать столько подробностей прежней жизни Омара от него самого, что играл свою роль, ничем не

выдавая себя. Она призвала к себе людей, сопровождавших султана к колонне Эль-Серуйя, чтобы услышать от них все досконально, а потом стала держать совет с самыми приближенными рабынями. Они выбирали и отвергали то одно средство, то другое. Наконец Мелехсала, старая, умная черкешенка, сказала ей:

— Если я не ослышалась, досточтимая повелительница, то податель кинжала назвал того, кого ты принимаешь за своего сына, Лабаканом, сумасшедшим портным?

— Да, это так, — отвечала султанша, — но что из того?

— А что, — продолжала старуха, — если этот обманщик присвоил вашему сыну свое собственное имя? Если так, то у нас есть одно великолепное средство уличить обманщика, которое я вам и назову по секрету.

Султанша подставила рабыне ухо, и та шепотом дала ей совет, который ей, по-видимому, понравился. Ибо она тотчас же отправилась к султану. Султанша была женщина умная, она хорошо знала слабые стороны султана и умела ими пользоваться. Поэтому она сделала вид, что готова уступить ему и признать сына, но попросила только об одном условии. Султан, который уже сожалел о том, что взъярился на жену, согласился принять ее условие, и она сказала:

— Я хочу испытать их ловкость. Другая, может быть, заставила бы их скакать на коне, фехтовать или метать копья. Но это умеет любой. Нет, я задам им задачу, требующую находчивости. Пусть каждый сошьет по кафтану и по паре штанов, а мы поглядим, у кого выйдет лучше.

Султан засмеялся и сказал:

— Ну и умно же ты придумала! Чтобы мой сын да состязался с твоим сумасшедшим портным — кто лучше сошьет кафтан? Нет, это никуда не годится.

Но султанша сослалась на то, что он заранее принял ее условие, и султан, который был человек слова, в конце концов уступил, хотя и поклялся, что как бы прекрасно ни сшил кафтан этот сумасшедший портной, он, султан, все равно не признает его своим сыном.

Султан сам пошел к своему сыну и попросил его исполнить каприз матери, которая вдруг пожелала во что бы то ни стало увидеть кафтан, сшитый его руками. У простодушного Лабакана сердце прямо-таки взыграло от радости. «Если дело только за этим, — подумал он про себя, — то я скоро порадуя госпожу султаншу».

Отвели две комнаты, одну для принца, другую для портного, — там они должны были показать свое искусство — и каждому дали только достаточное количество шелка, ножницы, иголку и нитки.

Султану было очень любопытно, что за кафтан соорудит его сын. Но и у султанши тревожно билось сердце: удастся ли ее хитрость или нет? Обоим дали для работы два дня. На третий султан велел позвать свою супругу, и, когда она явилась, он послал за обоими кафтанами и за их мастерами.

Лабакан вошел с торжествующим видом и развернул свой кафтан перед изумленными глазами султана.

— Взгляни, отец, — сказал он, — взгляни, досточтимая матушка, разве это не всем кафтанам кафтан? Готов поспорить с самым искусным придворным портным, что такого ему не сшить!

Султанша усмехнулась и повернулась к Омару:

— Ну, а у тебя, сын мой, что получилось?

Тот раздраженно швырнул на пол шелк и ножницы.

— Меня учили укрощать коней и держать в руке саблю, и мое копьё попадает в цель на расстоянии шестидесяти шагов, — но искусство иглы мне чуждо! Да оно и недостойно воспитанника Эльфи-бея, владыки Каира.

— О истинный сын моего господина! — воскликнула султанша. — Ах, как хочется мне обнять тебя, назвать своим сыном! Простите, супруг мой и повелитель, — сказала она затем, обращаясь к султану, — что я прибегла к этой хитрости. Неужели вы все еще не видите, кто принц и кто портной? Кафтан, который сшил ваш сын, действительно великолепен, и мне хочется спросить его: у какого мастера он учился?

Султан сидел в глубокой задумчивости, недоверчиво поглядывая то на свою жену, то на Лабакана, который напрасно старался скрыть залившую его лицо краску и свое смущение тем, что так глупо выдал себя.

— И этого доказательства мало, — сказал султан. — Но я, слава аллаху, знаю способ выяснить, обманут я или нет.

Он приказал оседлать самого быстрого своего коня, вскочил на него и поскакал в лес, который начинался недалеко от города. Там, по древнему преданию, жила добрая фея Адользаида, которая часто в трудный час помогала советом царям из его династии. Туда-то и поспешил султан.

Посреди леса находилась поляна, окруженная высокими кедрами. Там, согласно преданию, и жила фея, и нога смертного редко ступала на эту поляну, ибо какой-то страх перед ней с древних времен передавался по наследству от отца к сыну. Прибыв туда, султан спешился, привязал коня к дереву, стал посреди поляны и сказал громким голосом:

— Если это правда, что в трудный час ты давала моим предкам добрый совет, то не отвергни просьбы их внука и посоветуй мне, как решить дело, которое человеческому разуму не по силам!

Едва он произнес последние слова, как один из кедров отворился и оттуда вышла закутанная в покрывало женщина в длинных белых одеждах.

— Я знаю, почему ты пришел ко мне, султан Сауд. Твое намерение чисто, и поэтому я окажу тебе помощь. Возьми эти две шкатулки! Пускай те двое, что хотят быть твоими сыновьями, сделают выбор! Я знаю, что настоящий твой сын выберет то, что нужно.

Сказав это, закутанная в покрывало фея протянула ему две маленьких шкатулки из слоновой кости, богато украшенных золотом и жемчугами. На крышках, которые султан тщетно пытался снять, были надписи из резных алмазов.

Скача домой, султан гадал, что же содержится в шкатулках, которые ему, сколько он ни старался, открыть не удалось. Надписи тоже не проясняли дела. На одной крышке значилось: «Честь и слава», на другой: «Счастье и богатство». Султан подумал тайком, что и ему был бы труден выбор между двумя этими возможностями, одинаково соблазнительными, одинаково заманчивыми.

Вернувшись в свой дворец, он вызвал султаншу и сообщил ей мнение феи, и султанша преисполнилась дивной надежды, что тот, к кому ее влекло сердце, выберет шкатулку, которая докажет его царское происхождение.

Перед троном султана установили два стола. Собственноручно поставив на них обе

шкатулки, султан сел на трон и знаком велел одному из своих рабов открыть двери зала. В открытые двери хлынула блестящая толпа созданных султаном пашей и эмиров его державы. Они опустились на роскошные подушки, положенные вдоль стен.

Когда все они уселись, король сделал знак во второй раз, и ввели Лабакана. Он прошел через зал гордой поступью, пал ниц перед тронем и сказал:

— Что прикажет мой господин и отец?

Султан поднялся с трона и сказал:

— Сын мой! Возникли сомнения в подлинности твоих притязаний на это звание. Одна из этих двух шкатулок содержит подтверждение истинного твоего происхождения. Выбери! Не сомневаюсь, что ты выберешь то, что нужно!

Лабакан поднялся и подошел к шкатулке. Он долго думал, что ему выбрать. Наконец он сказал:

— Досточтимый отец! Что может быть выше, чем счастье быть твоим сыном, что благороднее, чем богатство благоволения? Я выбираю шкатулку, на которой написано: «Счастье и богатство».

— Мы потом узнаем, верен ли твой выбор. А пока что сядь вон туда на подушку рядом с пашой Медины, — сказал султан и сделал знак своим рабам.

Ввели Омара. Взгляд его был мрачен, лицо печально, и вид его вызывал сочувствие у всех присутствовавших. Он пал ниц перед тронем и спросил, какова воля султана.

Султан объяснил Омару, что он должен выбрать одну из шкатулок. Тот встал и подошел к столам.

Он внимательно прочел обе надписи и сказал:

— Последние дни научили меня, сколь ненадежно счастье, сколь брэнно богатство. Но они же и научили меня, что в груди отважного живет нерушимое благо — честь и что сияющая звезда славы не исчезает заодно с богатством. И пусть я лишусь короны — жребий все равно брошен: честь и слава, я выбираю вас!

Он положил руку на шкатулку, которую выбрал, но султан приказал ему подождать. Он знаком приказал Лабакану подойти к своему столу, и тот тоже положил руку на свою шкатулку. А султан велел подать себе тазик с водой из священного колодца Земзема в Мекке, омыл руки для молитвы, повернулся лицом к востоку, пал наземь и стал молиться:

— Бог моих отцов! Ты, который веками хранил чистоту и подлинность нашего рода, не попусти, чтобы недостойный посрамил имя Аббасидов, возьми под свою защиту моего настоящего сына в этот час испытания!

Султан поднялся и снова взошел на трон. Присутствующие замерли в ожидании, прямо-таки боясьдохнуть. Пробеги по залу мышонок, это было бы слышно — такая напряженная воцарилась вдруг тишина. Сидевшие сзади вытянули шеи, чтобы увидеть шкатулки через головы сидевших спереди. И теперь султан сказал:

— Откройте шкатулки!

И шкатулки, которые дотолемельзя было открыть никакой силой, открылись сами собой.

В шкатулке, выбранной Омаром, лежали на бархатной подушке маленькая золотая корона и

скипетр, а в шкатулке Лабакана — большая иголка и немного ниток. Султан велел обоим подойти со своими шкатулками к нему. Он снял с подушки коронку, и — о диво! — в его руке она стала расти, пока не достигла размеров настоящей короны! Он надел ее на голову своему сыну Омару, который стал перед ним на колени, поцеловал его в лоб и велел ему сесть по правую руку от себя. А повернувшись к Лабакану, он сказал:

— Есть старая поговорка: «Знай, кошка, свое лукошко!» А тебе, кажется, следует знать свою иголку. Хоть ты и не заслужил моей милости, но некто, кому я сегодня ни в чем не могу отказать, за тебя попросил. Поэтому я дарю тебе твою жалкую жизнь. Но если хочешь послушаться доброго совета, то поспеши убраться из моей страны!

Посрамленный, уничтоженный, бедный портняжка не в силах был ничего ответить. Он пал ниц перед принцем, и слезы брызнули из его глаз.

— Вы можете простить меня, принц? — сказал он.

— Верность другу, великодушие к врагу — вот гордое правило Абассидов, отвечал принц, поднимая его. — Ступай с миром.

— О истинный сын мой! — растроганно воскликнул старый султан и припал к груди своего сына.

Эмиры, паши и все важные лица государства встали со своих мест и воскликнули:

— Ура новому царскому сыну!

И при всеобщем ликовании Лабакан со своей шкатулкой под мышкой вышмыгнул из зала.

Он спустился к конюшням султана, взнуздal своего коня Мурфу и выехал за ворота, держа путь на Александрию. Вся его жизнь в роли принца казалась ему сном, и только великолепная шкатулка, богато украшенная жемчугами и алмазами, напоминала ему, что это был все же не сон.

Прибыв наконец в Александрию, он подъехал к дому старого своего хозяина, привязал к двери свою лошаденку и вошел в мастерскую. Хозяин, который не сразу узнал его, принял его очень церемонно и спросил, чем может ему служить. Но, приглядевшись к гостю и узнав своего старого знакомого, он созвал своих подмастерьев и учеников, и все набросились на бедного Лабакана, который никак не ждал такого приема, стали толкать и бить его утюгами и аршинами, колоть иглами и пырять острыми ножницами, пока он наконец в изнеможении не упал на кучу старой одежды.

Когда он лежал там, хозяин долго корил его за украденное платье. Напрасно уверял Лабакан, что он для того и вернулся, чтобы все ему возместить, напрасно предлагал ему возмещение ущерба в троекратном размере. Мастер и подмастерья опять накинулись на него, основательно отколотили и вышвырнули его за дверь. Избитый и растерзанный, он сел на своего коня Мурфу и потащился в караван-сарай. Приклонив там свою усталую, разбитую голову, он задумался о земных страданиях, о заслугах, которые так часто не находят признания, о ничтожестве и непрочности всяческих благ. Он уснул с решением отказаться от каких бы то ни было великих притязаний и стать просто порядочным человеком.

И на следующий день он не пожалел о своем решении: тяжелые руки мастера и его подмастерьев выбили из него, видимо, всякую заносчивость. Он продал ювелиру за большую цену свою шкатулку, купил дом и устроил там мастерскую, чтобы заниматься своим ремеслом. Когда он все как следует оборудовал и повесил над своим окном вывеску с надписью:

«Лабакан, портной», он сел и принялся той иглой и теми нитками, что он нашел в шкатулке, чинить кафтан, так жестоко изодранный его хозяином. Кто-то оторвал его от этого занятия, куда-то зачем-то позвав его, и, когда он снова захотел сесть за работу, глазам его предстала поразительная картина: игла продолжала усердно шить, хотя ее никто не держал, и делала такие мелкие, изящные стежки, каких не делал даже в минуты удачи и сам Лабакан!

Поистине, даже самый незначительный подарок доброй феи полезен и очень ценен. Но этот подарок обладал еще и другой ценностью: моток ниток никогда не переводился, как бы прилежно ни сновала игла.

Лабакан приобрел множество заказчиков и вскоре стал самым знаменитым портным в округе. Он кроил одежды и делал своей иглой первый стежок, а дальше игла шила сама, не останавливаясь, пока одежда не была готова. Вскоре весь город стал заказывать платье у Лабакана, ибо работал он хорошо и цены назначал необычайно дешевые, и только по одному поводу качали головами александрийские жители — по поводу того, что работал он без подмастерьев и при запертых дверях.

Так сбылся девиз шкатулки, суливший счастье и богатство. Счастье и богатство сопутствовали, хотя и в скромной мере, добродетельному портному, и, когда он слышал о славе молодого султана Омара, имя которого было у всех на устах, когда он слышал, что этот храбрец стал гордостью и любимцем своего народа и грозой его врагов, бывший принц про себя думал: «Лучше все-таки, что я остался портным. Ведь честь и слава — дело небезопасное». Так жил Лабакан, довольный собой, уважаемый своими согражданами, и если игла со временем не потеряла своей силы, то она шьет и сегодня вечными нитками доброй феи Адользаиды.